

Г. А. КЛИМОВ

К ПРОИСХОЖДЕНИЮ ЭРГАТИВНОЙ КОНСТРУКЦИИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Постановка вопроса о генезисе эргативной конструкции предложения, который стал уже традиционным для общей теории эргативности и до последнего времени не находит однозначной интерпретации, как правило, основывалась в прошлом на структурном сопоставлении этой синтаксической модели с исторически смежными с ней номинативной и активной. Нетрудно заметить, однако, что подобный в некотором смысле слова атомистический подход, вообще характеризующий сопоставление языковых фактов, вырванных из контекста некоторой целостной системы, заранее ограничивает перспективы решения поставленной проблемы. Тем более скептически приходится смотреть на гипотезы происхождения этой конструкции в случае, если, помимо реализации именно такого подхода, они оказываются уязвимыми и в части своей конкретной аргументации. Вероятно, одним из наиболее ярких примеров последних может послужить известная попытка К. Уленбека обосновать на материале североамериканских языков ее историческую производность от пассивного оборота, неадекватность которой уже неоднократно была показана в специальной литературе. Их другой иллюстрацией является пользовавшаяся еще сравнительно недавно популярностью у части кавказоведов точка зрения о возникновении эргативной модели предложения из так называемой «индефинитной», поскольку в качестве последней при этом по недоразумению рассматривался глагольный тип той же самой эргативной конструкции, т. е. та ее разновидность (функционирующая, например, в абхазском языке), в которой, как показал И. И. Мещанинов, отношения эргативности всецело передаются в составе словоформы глагола-сказуемого.

Значительно более перспективной предпосылкой решения проблемы представляется сопоставление соответствующих цельных типологий предложения, которые реализуются во всей совокупности входящих в каждую из них конкретных моделей. Не говоря о том, что такой подход настойчиво ставит обычно ускользающую из поля зрения проблему происхождения абсолютной модели, которая в рамках типологии предложения структурно коррелирует с эргативной (эта задача, естественно, не существует для исследователей, отождествляющих абсолютную конструкцию с номинативной), именно он создает хотя бы минимальные условия для системного анализа фактов. Понимание этого обстоятельства, по-видимому, наиболее отчетливым образом заявляет о себе в работах Н. Ф. Яковлева, в отличие от подавляющего большинства других авторов рассматривавшего генезис эргативной конструкции (в его терминологии — «продуктивного оборота») в тесной связи с формированием абсолютной («непродуктивного оборота») ¹.

¹ См.: Н. Ф. Яковлев, Д. А. Ашхамаф, Грамматика адыгейского литературного языка, М.—Л., 1941, стр. 39—41; Н. Ф. Яковлев, Синтаксис чеченского литературного языка, М.—Л., 1940, стр. 48; его же, Изучение яфетических языков Северного Кавказа за советский период, сб. «Языки Северного Кавказа и Дагестана», М.—Л., 1949, стр. 310—311.

Обращаясь к более широкому — по сравнению с концептом эргативной конструкции — понятию типологии предложения языков эргативного строя, следует подчеркнуть, что его структурную специфику образует установленная в историко-типологических работах советских исследователей корреляция эргативной и абсолютной конструкций, мотивированная строго проводимым в этих языках принципом лексикализации глагольных слов по признаку их транзитивности ~ интранзитивности. Аналогичным образом типология предложения представителей активного строя характеризуется противопоставлением активной и инактивной конструкций, первую из которых обуславливают активные глаголы, а вторую — стативные. При этом первые из них, как правило, передают «одушевленное» действие: ср. их семантику «рождать, -ся», «умирать/убивать», «расти», «идти», «бежать», «петь», «плакать», «нести», «ломать», «есть», «лежать», «падать» (для специфического значения двух последних лексем ср. грузинские *cola* «лежать» и *çaksewa* «падать») и т. д.; вторые — «неодушевленное» действие и состояние: ср. семантику «быть длинным», «быть красным», «быть приятным», «катиться», «лежать», «падать» (для специфики значения двух последних лексем ср. грузинские *deba* «лежать» и *dawardna* «падать»). Наконец, в языках номинативного строя при всех глаголах выступает единая номинативная конструкция предложения, что наводит на мысль, что в них функционирует по существу единый лексический класс глагольных слов (здесь нецелесообразно принимать во внимание некоторые иные модели предложения, в частности, аффертивную, которые встречаются и в языках других типов и поэтому не определяют его общего типологического облика).

Структурные различия предложения эргативной и номинативной типологий почти всегда обращали на себя внимание и уже давно поставили перед исследованием соответствующую сопоставительную проблематику, разработке которой посвящена довольно богатая литература. Напротив, внешнее сходство моделей предложения, функционирующих в языках эргативного и активного строя, породило на начальном этапе исследования впечатление, будто активная типология предложения является всего лишь разновидностью эргативной, основанной на оппозиции глагола-сказуемого по признаку активности ~ инактивности обозначаемого действия, а не по признаку его переходности ~ непереходности² (справедливость требует отметить, что этому впечатлению, судя по всему, не поддавался Э. Сепир, усматривавший в фактах типологических расхождений местоименных систем, а также функциональных отличий эргатива и актива различие предложений эргативной и активной типологии³). Не всегда достаточно четко они разграничиваются и в современных работах⁴.

² См.: Х. К. У л е н б е к, К учению о падежах, сб. «Эргативная конструкция предложения», М., 1950, стр. 97—100; Г. Ш. К а р о л ь с ф е л ь д, О переходных и непереходных глаголах, там же, стр. 173—174; С. Л. Б ы х о в с к а я, «Пассивная» конструкция в яфетических языках, «Язык и мышление», II, 1934, стр. 55, 67, и мн. др. работы.

³ E. S a p i r, [пец. на кн.:] C. C. Uhlenbeck, Het passieve karakter van het verbum transitivum of van het verbum actionis in talen van Noord-Amerika, IJAL, I, 1917, стр. 88; ср.: Ch. J. Fillmore, The case for case, «Universals in linguistic theory», New York, 1968, стр. 54.

⁴ См.: G. H. M a t t h e w s, Hidatsa syntax, «Papers on formal linguistics», The Hague, 1965, стр. 146; а также: Т. M i l e w s k i, Etudes typologiques sur les langues indigènes de l'Amérique, Kraków, 1967, стр. 71, 74 и сл. В связи с очевидными различиями обеих конструкций У. Чейф видит два типа опять-таки «эргативных» языков: W. L. C h a f e, Meaning and the structure of language, Chicago — London, 1970, стр. 232.

Действительно, некоторый внешний параллелизм эргативной и активной конструкций, с одной стороны, и абсолютной и инактивной, с другой, едва ли возможно отрицать. Он дает себя знать преимущественно в отдельных совпадениях морфологического оформления компонентов обеих пар. Ср., в частности, преобладание в эргативной и активной моделях двухличного принципа спряжения глагола-сказуемого (лишь крайне редко встречающегося в языках номинативной типологии), характерную для обеих конструкций так называемую «чистую» именную основу при глагольном дополнении, а также яркий префиксальный тип глагольного спряжения. Две черты сходства обеих моделей предложения могут быть отмечены и в их синтаксической структуре. Так, с одной стороны, здесь наблюдается более отчетливая по сравнению с номинативной конструкцией синтаксическая доминация глагола-сказуемого. С другой стороны, по крайней мере, для большей части языков общим у активной конструкции с эргативной оказывается и словопорядок SOV (где S — символ подлежащего, O — дополнения и V — сказуемого). Ср., например, абхазское эргативное построение *a-cabərg a-ps d-a-rgəlwojɬ* «правда покойника воскрешает» (в составе глагольной словоформы здесь присутствует префикс 3-го лица объектного ряда *d-* и префикс 3-го лица субъектного ряда *a-*) и активное построение на языке тупи *ixé kipiŋi a-i-nipɔ́* «я мальчика бью» (где в глагольном сказуемом налицо префикс 1-го лица активного ряда *a-* и префикс 3-го лица инактивного ряда *i-*).

Не составляет труда показать, однако, что при некотором формальном сходстве обеих сопоставляемых моделей предложения налицо их серьезные структурные расхождения. При этом весьма показательным представляется то обстоятельство, что если их параллелизм лежит в основном в плане такого консервативного уровня, каковым принято считать морфологию, и лишь отчасти затрагивает синтаксис, то расхождения обеих более очевидны в плане самой синтаксической структуры предложения и особенно — в плане ее лексемного наполнения.

Так, например, если эргативная конструкция задается лексически транзитивным глаголом, то активную организует активный («одушевленный») глагол. Если в позиции подлежащего активной конструкции предложения может присутствовать лишь именная лексема активного («одушевленного») класса, т. е. названия людей, животных и растений, то в роли подлежащего эргативной конструкции способны в принципе выступать любые имена существительные. Если при построении второй, как известно, минимально необходимыми являются две синтагмы, предикативная и комплетивная, то при построении первой минимально необходима лишь одна — предикативная. При облигатном наличии в составе второй прямого дополнения, в первой последнее отсутствует (в соответствии с профилирующим в языках активной типологии принципом лексикализации глагольных слов прямое и косвенное дополнения здесь вообще не дифференцированы). Некоторые различия имеются и в морфологическом инвентаре, обслуживающем компоненты обеих сопоставляемых моделей предложения. В частности, невозможно сомневаться в функциональном отличии противопоставления эргативного и абсолютного падежей в составе второй и оппозиции активного и инактивного падежей в составе первой. Вместе с тем очевидно, что частью из перечисленных выше структурных особенностей эргативная конструкция предложения уже сближается с номинативной и что отождествление эргативной и активной моделей невозможно.

Должно быть поэтому понятным, насколько существенным шагом вперед в разработке рассматриваемой проблемы является проводимое у отдельных авторов хотя и в различной терминологии, но в общем доволь-

но отчетливое разграничение обоих построений. По-видимому, раньше других оно было намечено в работах С. Д. Кацнельсона, противопоставившего так называемую «пережиточную» эргативность современных представителей эргативного строя «актуальной» или «архаической» эргативности, к которой первая должна восходить исторически (не менее важным в этом плане представляется высказанный им позднее взгляд о функционировании в рамках эргативности «архаического» типа особого принципа лексикализации глаголов, отличного от современного и предполагавшего объединение в едином классе как транзитивных предикатов, так и предикатов движения)⁵. В известной степени зависимое от последнего и поэтому сходное разграничение встречается позднее у Г. Хёппа, использующего при анализе типологии предложения в языке аранта понятия эргативной и преэргативной конструкции (при этом автор исходит из несколько различных в соответствующих построениях синтаксических потенций и морфологических характеристик имен активного и инактивного классов)⁶. Самое общее представление о типологии предложения, по существу уже совпадающей с активной, дает и модель так называемой «идеальной эргативной системы», построенная недавно Дж. Лайонсом с целью диахронического объяснения механизма его эргативной и номинативной типологии: отмечая, что эта модель в настоящее время не реализуется в языках, по традиции квалифицируемых в качестве эргативных, он подчеркивает своеобразие синтаксических потенций «одушевленных» и «неодушевленных» имен в ее рамках⁷.

Какие же аргументы могут быть привлечены для обоснования такого понимания эволюции структуры предложения, согласно которому его эргативная конструкция исторически формируется из активной?

В пользу именно подобной направленности развития говорят прежде всего три следующих аргумента общего порядка. Во-первых, нельзя не обратить внимания на характерное диалектическое соотношение, существующее между формой и содержанием эргативной конструкции. Если, как было показано выше, в плане выражения эта модель еще во многом совпадает с трехчленным вариантом активной, то в плане содержания она в значительной степени уже приспособлена к передаче субъектно-объектных отношений, на выражение которых специально ориентирована структура номинативной конструкции. Во-вторых, о том же должна говорить высокая объяснительная способность модели активной конструкции предложения по отношению к эргативной, что в имплицитной форме уже неоднократно использовали в своих работах некоторые исследователи проблемы генезиса эргативности. Так, еще в 1934 г. С. Л. Быховская обосновывала большую древность активного построения по сравнению с эргативным невозможностью преобразования в языках эргативного строя безобъектных глаголов абсолютной конструкции в класс транзитивных, что пришлось бы допустить при обратном предположении (как известно, в эргативных языках засвидетельствована противоположная тенденция перехода непродуктивной группы так называемых «диффузных» или «переходно-непереходных» глаголов при их безобъектном употреб-

⁵ См.: С. Д. Кацнельсон, К генезису номинативного предложения, Л., 1936, стр. 103; е го ж е, Эргативная конструкция и эргативное предложение, ИАН ОЛЯ, 1947, 1, стр. 43—44, 48—49; е го ж е, К происхождению эргативной конструкции, сб. «Эргативная конструкция предложения в языках различных типов», Л., 1967, стр. 33—36; е го ж е, Типология языка и речевое мышление, Л., 1972, стр. 192.

⁶ См.: G. Höp p, Evolution der Sprache und Vernunft, Berlin, 1970, стр. 109—114; ср. отчасти также: G. H. Matthews, указ. соч., стр. 146.

⁷ См.: J. Lyons, Introduction to theoretical linguistics, Cambridge, 1971, стр. 356—359; ср. также: J. Fillmore, указ. соч., стр. 53—54.

лении в класс интранзитивных)⁸. Наконец, третий аргумент общего порядка заключается в том, что именно такая историческая перспектива соответствует отмеченной во многих современных исследованиях индуцирующей роли грамматических потенций имен «одушевленного» класса и глаголов «действия» в развитии языковой структуры (имеется в виду процесс постепенного распространения этих потенций соответственно на имена «неодушевленного» класса и глаголы «состояния»)⁹.

Однако, по-видимому, имеется и непосредственное структурное основание исторической трансформации активной конструкции предложения в эргативную, связанное со спецификой соотношения лексического и грамматического в языках активной и эргативной типологии, без выявления которой невозможно по-настоящему раскрыть каузальный аспект обсуждаемой проблемы (впрочем, существуют серьезные основания полагать, что тезис о первичности лексического и вторичности грамматического, вопреки известному утверждению Р. Карнапа о нерелевантности значения слов для синтаксиса, имеет силу и для представителей других языковых типов¹⁰). Конкретно в виду имеется, по-видимому, общепризнанное ныне в теории эргативности синтаксически доминирующее в представителях эргативного строя положение глагольного сказуемого, самим своим лексемным качеством задающего всю структурную модель предложения. Ср., в частности, обусловленность эргативной и абсолютной конструкций последнего соответственно транзитивным и интранзитивным глаголом-сказуемым, с одной стороны (см. работы С. Л. Быховской, Н. Ф. Яковлева, А. С. Чикобава, Т. Милевского, К. Регамэ, А. Мартине и мн. др.), и активной и инактивной конструкций активным и стативным глаголом-сказуемым, с другой (встречающиеся в названных языках иные классы глагольных лексем аналогичным образом обуславливают здесь функционирование аффективной и иногда некоторых других моделей предложения).

Если принять тезис о структурной доминации в эргативном построении глагольного сказуемого, то он, несомненно, должен учитываться не только синхронным, но и диахроническим аспектом исследования. Отсюда естественно прийти к заключению, что предпосылки исторического преобразования одной конструкции предложения в иную здесь следует искать, по всей вероятности, в перестройке самого лексемного качества организующего их глагола, и, следовательно, — в изменении в языках эргативного строя ранее функционировавших принципов структурной организации глагольной лексики (высказывавшаяся в прошлом точка зрения о происхождении эргативной конструкции предложения непосредственно из доглагольного состояния, как известно, так и не получила в специальной литературе ни теоретического, ни эмпирического обоснования). Уместно заметить в этой связи, что в отдельных случаях исследователи рассматриваемых языков вплотную подходили именно к такому представлению процесса развития. Достаточно отметить, например, что, рассматривая специфику функционирования эргативной конструкции предложения в баббийском языке, еще и поныне сохраняющем довольно

⁸ См.: С. Л. Быховская, указ. соч., стр. 72; ср.: И. И. Мещанинов, Общее языкознание. К проблеме стадийности в развитии слова и предложения, Л., 1940, стр. 219; а также: А. Н. Савченко, Эргативная конструкция предложения в праиндоевропейском языке, сб. «Эргативная конструкция предложения в языках различных типов», Л., 1967, стр. 90.

⁹ См. например: И. М. Тронский, Общеиндоевропейское языковое состояние, Л., 1967, стр. 90.

¹⁰ См.: Ф. П. Филин, Методология лингвистических исследований А. А. Потебни, «Язык и мышление», III—IV, 1935, стр. 146; Р. А. Будагов, К теории синтаксических отношений, ВЯ, 1973, 1, стр. 4.

широкую совокупность импликаций активного строя, Ю. Д. Дешериев констатирует, что в последнем «мы обнаруживаем пережиточно сохранившиеся признаки древнейшей семантической дифференциации глаголов действия и состояния и ее связь с генезисом эргативного строя предложения»¹¹. Вместе с тем, характеризуя активную конструкцию предложения, реконструирующуюся, по всей вероятности, для древнейшего протоиндоевропейского, А. Н. Савченко отмечает, что «при сравнении с вариантами эргативной конструкции, существующими в современных языках, она оказывается нетипичной, потому что в ней выражение субъекта действия эргативным или абсолютным падежом зависело не от переходности или непереходности глагола, а от глагольной формы действия или состояния... Нужно иметь в виду, что современные варианты эргативной конструкции, по-видимому, далеко отошли от того, что было при возникновении ее»¹².

Структурный облик представителей так называемого «западного» ареала распространения эргативности, в той или иной степени характеризующихся признаками промежуточности их типологии между эргативной и номинативной (ср., в частности, язык бурушаски, в котором в построениях с глагольными формами презенсных времен уже господствует номинативная модель), свидетельствует о том, что ослабление здесь лексемной оппозиции транзитивных и интранзитивных глаголов приводит к постепенной номинативизации структурного типа предложения. Это наблюдение находится в соответствии с тем известным обстоятельством, что в номинативных языках транзитивность ~ интранзитивность в лучшем случае оказываются лишь синтаксической характеристикой глагола (ср., в частности, существующие дефиниции транзитивного глагола в работах по различным индоевропейским языкам). В то же время функционирующая в них по существу единая номинативная конструкция предложения заставляет думать, что она обозначает наличие здесь в принципе единого лексического «класса» глагольных слов.

В свете всего сказанного выше естественно предположить, что формирование обеих коррелирующих моделей предложения эргативной типологии — эргативной и абсолютной — должно быть связано с фактом преобразования лексемного противопоставления активных и стивных глаголов в оппозицию транзитивных и интранзитивных. Между тем, как известно, именно такое понимание исторической последовательности принципов лексикализации глагольных слов составляет в теории эргативности довольно общее место. При этом заслуживает быть подчеркнутым то обстоятельство, что подобное представление разделяется столь разными и, следовательно, отправляющимися от различных исходных постулатов языковедами, как К. Уленбек, С. Л. Быховская, И. И. Мещанинов, М. М. Гухман, Ю. Д. Дешериев, А. Н. Савченко, М. А. Коростовцев, К.-Х. Шмидт и др.¹³.

¹¹ Ю. Д. Дешериев, Некоторые особенности эргативного строя предложения в бабийском языке, «Язык и мышление», XI, 1948, стр. 160.

¹² А. Н. Савченко, указ. соч., стр. 90.

¹³ См.: Х. К. Уленбек, Пассивный характер переходного глагола или глагола действия в языках Северной Америки, «Эргативная конструкция предложения», М., 1950, стр. 84, примеч. 2; С. Л. Быховская, указ. соч., стр. 72; И. И. Мещанинов, указ. соч., стр. 219—220; М. М. Гухман, Происхождение строя готского глагола, М., 1940, стр. 143; Ю. Д. Дешериев, указ. соч., стр. 160; А. Н. Савченко, Древнейшие грамматические категории глагола в индоевропейском языке, ВЯ, 1955, 4, стр. 117—118; М. А. Коростовцев, Категория переходности и непереходности глаголов в египетском языке, ВДИ, 1968, 4, стр. 112; К.-Х. Шмидт, Проблемы генетической и типологической реконструкции кавказских языков, ВЯ, 1972, 4, стр. 23.

В ходе этого процесса все стативные глаголы должны были преобразоваться в интранзитивные, а активные — распределиться между транзитивными и интранзитивными (в число последних попадают, в частности, *verba movendi*). В связи с этим интерес представляет встречающийся во многих эргативных языках более или менее замкнутый и, что особенно важно, непродуктивный класс так называемых «диффузных», или «лабильных», глаголов (например, абхаз. *a-bəl-ra* «жечь; гореть», *a-ča-ra* «есть; питаться», *a-rč^wa-ra* «ломать; ломаться» и т. п.). Замеченная уже Н. Ф. Яковлевым их характерная активная семантика¹⁴, а также их двоякое переходно-непереходное функционирование в предложении (прежде всего в виду имеется их способность к организации как эргативной, так и абсолютной конструкций), по-видимому, позволяет рассматривать класс «диффузных» глаголов в качестве пережиточной группы активных глаголов, которые, хотя и несколько приспособлены к общему механизму эргативного строя, все еще не лексикализированы по профилирующему в них принципу обозначения переходного или непереходного действия.

Приведенные теоретические аргументы могут быть подкреплены и множеством эмпирических свидетельств перестройки активной конструкции предложения в эргативную, разбросанных по представителям самых различных языковых семей. Наиболее яркими из них являются факты пережиточного функционирования активной конструкции, наблюдающиеся в целом ряде эргативных языков как Нового, так и Старого Света, особенно — в североамериканских языках чинук-цимшиан, алгонкинских, салиш, а также в эскимосско-алеутских, отдельных австралийских и кавказских. Так, в частности, в последних достоверно известны прецеденты употребления эргативного падежа подлежащего при варьирующей по объему совокупности интранзитивных глаголов; ср. баббийск. *as w-ujtas* «я иду», *as liwas* «я говорю», *as w-ože* «я упал»; кабард. *a-bə qežəḥ* «он бежит», *a-bə qeḥ^wəḥ* «он ходит», *a-bə xitheləḥ* «он тонет»; груз. *deda-m-čaaxwela* «мать кашлянула», *gwelwešap-ma gamoiṛwiza* «дракон проснулся»; левг. *ada zuerna* «он бежал», *ada xkadarna* «он прыгал», *ada čukurna* «он мчался» и т. п. Встречаются также случаи использования личных аффиксов эргативного ряда в морфологической структуре тех же глаголов; ср. груз. *me w-irbine* «я бежал», *šen mo-x-wedi* «ты пришел» и т. д. против ожидавшихся — при соблюдении в аористных глагольных формах норм эргативности — форм с личными аффиксами абсолютного ряда типа **m-irbine*, **mo-g-wedi* и т. д. Архаичный, а не инновативный характер подобных явлений подтверждается тем, что они связаны исключительно с исторически активными глаголами — их семантика обычно довольно строго ограничена передачей активной деятельности, движения, говорения и т. п. субъектов «одушевленного» класса и не распространяется на другие категории глаголов, как того следовало бы ожидать в случае, если бы за данными фактами стоял процесс преобразования эргативного строя. Имеются основания квалифицировать подобные промежуточные по своему существу построения в качестве эргативообразных.

Не менее показательным представляется и то обстоятельство, что реально засвидетельствованы языки (из числа кавказских сюда относятся абхазско-адыгские), в которых, наряду с фундаментальной для их структурного облика оппозицией транзитивных и интранзитивных глаголов, достаточно отчетливо выступает и пересекающееся с ней противопостав-

¹⁴ См.: Н. Ф. Яковлев, Д. А. Ашхамаф, указ. соч., стр. 216; а также: Н. Т. Гишев, Глаголы лабильной конструкции в армянском языке, Майкоп, 1968, стр. 60—64.

ление динамических и статических — оно составляет ближайшую аналогию корреляции активных и стативных глаголов в представителях активного строя (при этом распределение глаголов на динамические и статические единодушно трактуется в специальной литературе в качестве архаического¹⁵).

Напротив, не были засвидетельствованы факты преобразования модели предложения обратной направленности. На этом основании активная конструкция могла бы быть генетически квалифицирована в качестве «преэргативной», если бы не известные случаи ее непосредственной трансформации и в номинативную. Процесс такого преобразования отмечается, например, в североамериканском языке хидатса из группы сиу, где историческая оппозиция двух моделей предложения — активной и инактивной (по настоящее время функционирующая в ближайше родственных ему языках дакота и ассинибойн) — в значительной степени уже перестроилась на противопоставление двух лишь формально обособляющихся типов глагольного спряжения¹⁶. Согласно известной в индоевропеистике гипотезе, именно подобная эволюция структуры предложения должна была иметь место и в праиндоевропейском состоянии. В сугубо предварительном порядке можно высказать предположение о том, что реализация последнего пути может находиться в некоторой связи с преобладанием в той или иной языковой традиции не двухличного, а одноличного принципа глагольного спряжения.

Выше были кратко охарактеризованы внутриязыковые (структурные) импульсы, обусловившие формирование эргативной и коррелирующей с ней абсолютной конструкции предложения. Нельзя, однако, не заметить, что перестройка типологии предложения не составляет изолированного от других сторон языка явления, а реализует только одну из сторон значительно более широкого процесса эволюции языковой системы.

Между тем, если учесть весь комплекс других параллельно протекающих в структуре языка изменений, то, по-видимому, становится возможным увидеть стоящие за ними глубинные движущие силы содержательного порядка. В виду имеется процесс преобразования активного строя языка как некоторой целостной системы структурных координат в строй эргативный, параллельно реализующийся на разных уровнях языковой структуры. Так, на уровне лексики этот процесс характеризуется не только сменой профилирующего принципа лексикализации глагольных слов (переход от противопоставления активных и стативных глаголов к оппозиции транзитивных и интранзитивных), но и постепенной деградацией лексических классов имен существительных, отражающих признак активности («одушевленности») ~ инактивности («неодушевленности») обозначаемых денотатов; последовательной утратой целого ряда более частных лексических импликаций и фреквенталий активного строя (например, различия указательных, вопросительных и других местоимений по их соотносительности с классами «одушевленных» и «неодушевленных» реалий, корреляции инклюзивного и эксклюзивного местоимения 1-го лица мн. числа); становлением ряда глагольных лексем, специально ориентированных на передачу субъектно-объектных отношений (например, *verba habendi*). На синтаксическом уровне, наряду

¹⁵ См., например: А р н Ч и к о б а в а, Проблема эргативной конструкции в иберийско-кавказских языках. I — Историческое взаимоотношение номинативной и эргативной конструкций по данным древнегрузинского литературного языка, Тбилиси, 1948, стр. 108 (на груз. яз.); см. также: К.-Х. Ш м и д т, указ. соч., стр. 23.

¹⁶ G. H. M a t t h e w s, указ. соч., стр. 142—157; см. также: K. L. H a l e, [рецензия на кн.:] G. H. Matthews, *Hidatsa syntax*, IJAL, 33, 3, 1967, стр. 336—338.

с преобразованием типологии предложения, этот процесс предполагает в инвентаре его членов дифференциацию прямого и косвенного дополнения со строгой приглагольной позицией первого. Наконец, он находит выражение и в существенном преобразовании морфологической системы языка: например, в парадигме именного склонения корреляция активного и инактивного падежей сменяется корреляцией эргативного и абсолютного; начинают формироваться такие уже специально ориентированные на передачу субъектно-объектных отношений падежи, как родительный и дательный; в глагольном спряжении классно-личные аффиксы активной и инактивной серий преобразуются соответственно в личные аффиксы эргативного и абсолютного рядов; снимается диатеза центробежной и центростремительной форм глагола и т. д.

Таким образом, в конечном счете определяющий стимул трансформации активной конструкции предложения в эргативную, как и в целом — активной типологии языка в эргативную, судя по приведенной аргументации, следует усматривать не в структурном плане, признание чего составляло почти общее место специальных работ последнего времени, а за его пределами. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что при этом происходит переход от разграничения моделей предложения по признаку активности ~ инактивности передаваемого действия к их разграничению по более абстрактному признаку его переходности ~ непереходности. В свете сказанного можно предположить, что за этим процессом стоит смена самой семантической детерминанты языка, сдвигающейся от противопоставления активного («одушевленного») и инактивного («неодушевленного») начал к оппозиции субъектного и объектного (ср. в этой связи неоднократно формулировавшуюся в отечественном языкознании точку зрения, в соответствии с которой сдвиги в типологии синтаксических структур способны отражать определенные изменения содержательных структур). В пользу подобного предположения говорит среди прочих и то обстоятельство, что адекватное определение эргативной конструкции предложения оказывается возможным исключительно на уровне глубинной синтаксической структуры (нельзя не отметить, что существующие дефиниции этой модели в большинстве случаев сводятся к описанию морфологических особенностей ее отдельных разновидностей и поэтому не могут претендовать на роль сколько-нибудь общего определения). Вместе с тем, если учесть, что преобразование семантической детерминанты языка прежде всего дает себя знать на наиболее тесно связанном с передаваемым мыслительным содержанием уровне лексики (в частности, в перестройке принципа лексикализации глагольных слов) и лишь затем проявляется на уровне синтаксиса и морфологии, то приходится заключить, что рассматриваемые здесь изменения в структуре предложения опосредствованы преобразованиями в лексической системе языка. С последним выводом хорошо согласуются известные из дескриптивных грамматик эргативных языков случаи широкого сохранения импликаций активного строя на уровне морфологии и отчасти синтаксиса при слабой представленности его лексических импликаций (ср., например, факты абхазско-адыгских языков). Таким образом, генезис эргативной конструкции предложения может, вероятно, послужить одной из иллюстраций той сложной и опосредствованной связи, которая существует между строем языка и мышлением.

Прежде чем обратиться к возникающему в связи со сказанным вопросу о причинах становления эргативности в исторически номинативных индоиранских языках, следует коротко остановиться еще на одном важном для рассматриваемой проблематики следствии, которое вытекает из признания факта синтаксической доминанции глагола-сказуемого над имен-

ными компонентами эргативного предложения. Дело в том, что именно факт такой доминации объясняет, почему рассматриваемая конструкция эргативных языков, строй которых еще сохраняет довольно тесный контакт с активной типологией (северно- и центральноамериканские, многие папуасские, абхазский), имеет глагольный морфологический тип и, напротив, эта же конструкция существенно продвинутых по пути дальнейшей эволюции эргативных языков — смешанный или даже чисто именной морфологический тип, в котором отношения эргативности находят свое выражение уже исключительно в составе именных компонентов предложения¹⁷. Любопытно отметить, что на интуитивных основаниях глагольный тип эргативной конструкции рассматривался в качестве наиболее древнего и в ряде ранних работ по языкам эргативной типологии.

Как свидетельствует сравнительная грамматика индоиранских языков, эргативообразная, а иногда даже и собственно эргативная конструкция предложения может сформироваться и на исторической базе номинативной структуры языка (принципиальная возможность такой эволюции как будто свидетельствует об определенной близости семантических детерминант эргативного и номинативного строя). Вместе с тем, наиболее существенным для адекватной диахронической квалификации индоиранской эргативности должно быть то бросающееся в глаза обстоятельство, что эргативная конструкция возникает здесь, в отличие от всех других затронутых выше случаев, не как следствие структурной эволюции глагола и поэтому не может иметь своей предпосылкой изменение принципа лексикализации глагольных слов (ср. также невозможность признать наличие в эргативных индоиранских языках двух принципов лексикализации глагольных лексем — одного для построений с их презентными формами и другого — для построений с их аористными формами). Как известно, эргативная конструкция имеет здесь совершенно иные истоки и складывалась не имеющим никаких аналогий путем преобразования компонентов исторически атрибутивной, а не предикативной синтагмы¹⁸ (в соответствии с этим рассматриваемая конструкция с момента своего становления вопреки обычному ходу развития характеризуется здесь смешанным, а не глагольным морфологическим обликом). Из специальной литературы становится ясным, что индоиранская эргативность имеет чисто структурную мотивацию и не предполагает какого-либо сдвига в содержательном плане языка.

С точки зрения адекватной оценки эргативной конструкции предложения в индоиранских языках весьма показательными представляются два факта: во-первых, будучи обусловлена за редчайшими исключениями лишь претеритными временными формами «транзитивного» глагола, она проводится непоследовательно; во-вторых, как подчеркивают ее исследователи, с момента своего формирования она обнаруживает тенденцию к контаминации с номинативной, т. е. оказывается неустойчивой. Еще более интересным является то обстоятельство, что наряду с непоследовательно проводимой эргативностью в целом ряде этих языков вопреки ожиданиям засвидетельствовано и параллельное функционирование подобия активной конструкции предложения при претеритных формах группы интранзитивных глаголов, передающих «одушевленное» действие (на-

¹⁷ Три морфологических разновидности эргативной конструкции были, по-видимому, впервые выделены И. И. Мещаниновым еще в 1935 г.: см. его «Язык Ванской клинописи (Die Van-Sprache). II. Структура речи» (Л., 1935, стр. 191—201). Ср.: Г. А. Климов, К определению эргативной конструкции предложения, сб. «Philologica. Исследования по языку и литературе», Л., 1973, стр. 199.

¹⁸ Ср.: E. Benveniste, La construction passive du parfait transitif, BSLP, 48, 1, 1952; Л. А. Пирейко, Основные вопросы эргативности на материале индоиранских языков, М., 1968, стр. 9—34.

пример: пушту *дъ асвелъ* «он вздыхал», *дъ дангъ* «он прыгал», *дъ траплъ* «он спешил», *дъ хандъ* «он смеялся»). Перечисленные факты приводят к мысли, что типология предложения в индоиранских языках, имеющих эргативную конструкцию, сложилась не как результат действия внутренних закономерностей их развития, а при участии фактора контакта с сопредельными представителями соответствующих структур (ср. бурушаски, гималайскую группу тибетско-бирманских языков и др.)¹⁹.

Таким образом, если изложенные выше соображения адекватны, то формирование устойчивой эргативной конструкции предложения должно, по-видимому, быть связано с процессом преобразования языков активной типологии²⁰.

¹⁹ Здесь представляется нецелесообразным останавливаться на недавно высказанной М. Халлидеем точке зрения о становлении эргативной конструкции в английском языке ввиду используемого при этом ее расширительного понимания, не предполагающего определенных типологических импликаций эргативности. См.: M. A. K. Halliday, Notes on transitivity and theme in English, «Journal of linguistics», 1967, 3; 1968, 4.

²⁰ Уже после того, как настоящая статья была сдана в печать, вышла в свет работа А. Н. Савченко «К вопросу о происхождении эргативной конструкции предложения» («Иберийско-кавказское языкознание», XVIII, Тбилиси, 1973, стр. 134—143), решающая поставленную проблему принципиально сходным образом.